«Роман Елены Вернер для тех, кто верит в знаки судьбы и всепоглощающую любовь!»

Телеканал «Русский роман HD»

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

САМОЕ ЯРКОЕ ОТКРЫТИЕ 2015 ГОДА

Три косточки тамаринда

Елена Вернер

Три косточки тамаринда

Серия «Верю, надеюсь, люблю»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20632151
Три косточки тамаринда : [роман] / Елена Вернер: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-90938-4

Аннотация

На берегу теплого моря мужчина делает девушке предложение. Она влюблена, но отвечать согласием не спешит – ведь оба знают, что смертельная болезнь скоро удалит ее из списка живущих. Однако Павел настойчив. Что заставляет его не принимать в расчет грядущие проблемы? Всего день он дал на размышления своей Марине. И тогда она решает получить совет у тайской гадалки…

Содержание

Пролог 5
Часть первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Елена Вернер
Три косточки тамаринда

– С чего начинается человек?

– С плача по умершему.

(Мераб Мамардашвили)

Даже за день до смерти не поздно начать жизнь с начала.

(Алексей Арбузов. «Мой бедный Марат»)

© Вернер Е., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Бывают реки, что ровно текут от своего истока к устью и в положенном месте впадают в море. Но бывают и другие. Те, чувствуя морскую близость, ветвятся, будто упрямятся или медлят, и при этом влекутся к нему еще полнее, образуя сеть простертых рук. Тогда-то у реки и появляется дельта.

Часть первая

Ее не раз предупреждали, что рип – это серьезно. Когда она впервые услышала это слово, то не поняла его значения. Аббревиатуру RIP она знала лишь в одном ключе: «Rest in peace», что означает «Покойся с миром», и какое отношение эти скорбные слова имеют к одному из лучших пляжей мира, взять в толк никак не могла. Пока Денис, их гид, худой, гладко выбритый и совершенно свежий в этой невыносимой жаре (Марина видела – подмышки его форменной рубашки-поло сухие, или, может, это местный хваленый кристаллический дезодорант так справляется?), не пояснил:

– Рипом называют отбойное течение. Оно образуется из-за особенностей пляжа и нередко захватывает купающихся. Так что, пожалуйста, не заплывайте далеко от берега и не купайтесь ночью. Если поднимается волнение на море, лучше отправиться на соседний пляж, благо в транспорте тут нехватки не наблюдается. А теперь, друзья, давайте я расскажу вам о…

Уже потом, после экскурсии, Марина обратила внимание на щиты, установленные у каждого входа на пляж. На них изображалась крупная схема течения, уходящего прочь от берега и несущего с собой в открытое море пловца. Это было предупреждение – и все равно беда случалась здесь уже не единожды.

Отбойное течение. Во время отлива песчаная коса, скрытая под водой, мешает быстрому отходу воды от берега, и в месте, где невидимый лиман соединяется с остальным морем, образуется протока с очень большим водяным давлением. Вода затягивается морем, и вместе с нею там могут оказаться незадачливые купальщики. Не имеет значения, насколько хорош пловец – он может быть олимпийским чемпионом, плещущимся на мелководье ребенком или кумушкой, прыгающей по плечи в воде и обсуждающей с подругой личную жизнь соседки, – течение справится с любым. И неправда, что в море тонут только пьяные, – в море тонут обессилевшие, а сопротивляться ему бессмысленно, человек всегда проиграет стихии. Выберется из течения лишь тот, кто знает выход: плыть не к берегу, а в сторону. Чем больше стараться противостоять рипу, тем вернее можно выбиться из сил и поддаться панике, а паника – это вообще последнее дело. Если же плыть параллельно берегу, то через несколько метров течение отпустит, и только так можно выбраться из его упрямого потока… Это справедливо для тех, кто действительно хочет выплыть из рипа. Доплыть до берега, рухнуть на полотенце, рассказать ничего не подозревавшим спутникам, что только благодаря собственным знаниям ему удалось избежать гибели, а потом вечером поднимать стаканы за второе рождение. По истечении отпуска вернуться домой, в какую-нибудь холодную страну (ведь любая из стран по сравнению с этой – холодная), и зажить как прежде, лишь

изредка припоминая, что, кажется, однажды был на волосок от смерти, но – пронесло.

Марина хотела попасть в рип и не выплыть.

Собственно, чего греха таить, не выплыла она уже давно. Просто выяснилось это только три недели назад. Так бывает, вроде ходит человек под Богом, жив-здоров, доволен собой и не знает, что про него уже всё решили…

Стоя у кромки отступившей воды, она постаралась было по привычке отмахнуться от этих навязчивых сожалений, как пыталась отмахнуться все последние дни, но вдруг почувствовала себя измотанной до предела. Все, это конец. Ничего дальше уже не будет. Сегодня последний день ее жизни. Эту мысль она попробовала на все лады, покрутила, повертела, ощутила горлом и кожей. Как будто в детстве, когда языком трогала прореху от выпавшего молочного зуба: неприятно, чуть больно, но удержаться нет никакой возможности. Она устала бороться, держаться, крепиться и не видела в этом ровно никакого смысла. Лучше закончить все прямо сейчас, чем ждать, когда… Все, хватит.

На твердой, влажной еще полосе песка осталось лежать ее махровое полотенце, рядом были аккуратно сложены шорты и майка с фиолетовыми пальмами, а плетенная из белой соломки шляпа придавлена полупустой бутылкой воды, чтобы ветер не утащил. Рядом сновали люди. Как же много людей – больших, маленьких, черных, белых, красных от ожогов,

худых как жерди, пухлых… Два темнокожих француза перебрасывали друг другу мяч и гортанно переговаривались; молодой отец нес прочь от воды голопопого сына, тот отчаянно ревел и размазывал сопли по лицу. Китаянка в черной шляпе с огромными полями пыталась сфотографировать саму себя, держа фотоаппарат на специальной палке… Как же она называется? А впрочем, уже неважно.

Марина зашла в воду. Песок под ступнями немного оползал. Сильная волна чуть не сбила с ног, и Марина решила, что плыть лучше, чем идти, даже несмотря на то, что во время отлива глубина тут на многие метры всего по пояс. Она погрузилась в воду, стараясь не признаваться самой себе, что это приятно – вот так ощущать разгоряченной кожей теплую воду Андаманского моря, разгребать ее руками, отталкиваться ногами от упругой толщи. Солнце затянуло пепельной дымкой, и поблескивающая гладь моря стала металлической. Марина плыла среди расплавленного свинца. Все дальше и дальше.

Она искала рип. Ей бы хотелось быть подхваченной течением и отдаться на его волю, перестать решать. Ей так надоело решать! Пусть хоть раз ее захватит стихия, возьмет в плен и поступит так, как и полагается поступать стихии: разрушительно и жестоко. Перестав грести, она взглянула влево и вправо, на края вытянувшейся полумесяцем бухты. Нет, не было никакого непреодолимого движения, никакой тяги. Ну вот. Она даже утонуть толком не может… Марина принялась

грести дальше. Черт с ним, с рипом. Если плыть от берега достаточно долго, пока не оставят силы, то потом выхода уже не будет… Может быть, ядовитая медуза или акула, в крайнем случае судороги. Ведь Вампилов, кажется, так умер? Впрочем, там был Байкал, а на Байкале холодно… Единственный, кто может помешать, – спасатели, но их за все две недели пребывания Марина не видела ни разу. Только катера, которые катают отдыхающих на парашютах и «бананах», да арендованные гидроциклы, один из которых чуть было не пронесся сейчас прямо у нее по голове. Мужчина гаркнул что-то, но слов Марина не разобрала.

А это даже поэтично. Течение, название которого велит покоиться с миром. Волны должны подхватить, унести, укрыть зеленоватым одеялом тропического моря, упокоить. Навсегда. Навсегда. Чтобы больше ни волнений, ни сожалений, ни утомительного в своей справедливости безысходного вопроса «почему это со мной»…

Вскоре Марина запыхалась. Она хотела остановиться и немного отдохнуть, лежа на спине, как делала всегда. Но сегодня не тот случай. Сегодня надо не перевести дух, а устать, устать до изнеможения, до полного неподчинения тела разуму.

Приближался катер. За ним на длинном тросе высоко-высоко над бухтой парил красный парашют с нарисованными на внутреннем куполе глазами и улыбочкой. Люди под парашютом превратились в две закорючки. Марина в который

раз отметила про себя поразительную разношерстность земного мира. Она вот решила покончить с собой, потому что загнанных лошадей пристреливают, а кто-то прямо над ней летит на развеселом парашюте, и жизнь его в этот момент как никогда пикантна и наполнена ощущением пронзительно острого «здесь и сейчас». Все это до того абсурдно… Но идущий полным ходом катер вызывал ее беспокойство. Как бы паренек, сидящий на носу, не заприметил ее. Она не знала, что хуже – попасть под винт катера или быть спасенной и выуженной из воды его командой. Не желая решать даже этого, она просто поглубже нырнула. Мир искаженных таинственных звуков, где главный, все более усиливающийся – двигателя катера. Глаза здесь открыть невозможно, уж очень соленая вода. Марина плыла наугад, погружаясь все сильнее. Грохот достиг своего пика и пошел на спад, удалялся, катер явно промчался мимо. На уши давило, воздух в легких заканчивался. Надо же, какое нестерпимое желание вдохнуть. Можно помедлить еще секундочку, и еще, и вот посчитать до раз, два, три, четыре… Ее тело вопреки приказам изменило траекторию движения. Как человек, запутавшийся в паутине, стремится поскорее отряхнуть ее, отвести от лица и плеч, так и Марина заработала руками, отгребая воду от себя. В груди жгло огнем. Плотная толща воды покорно вытолкнула ее наверх, и Марина с хрипом втянула в себя воздух. Во рту горчило от морской соли, глаза слезились, сердце больно застревало в самом горле.

Она все-таки откинулась на спину.

За время ее заплыва небо успело зардеться. Дымка вокруг закатного солнца рассеялась. Теперь, когда в мыслях была гремящая пустота, Марина могла бы до скончания веков лежать вот так на спине, отдавшись на волю волн, и смотреть в розовый пепел опрокинутого неба. На какое-то время она отключилась, или ей это показалось. Полностью придя в себя, Марина подняла голову. Ее не существовало. В мышцах и затылке тяжело переливался тот же свинец, что был повсюду. Но что-то все же было не так. Марина пригляделась. Да. Движение. Неторопливое, но неуклонное движение от берега в море. Она нашла рип – или рип нашел ее. Покоиться с миром? Марина сделала несколько пробных гребков. Она не знала, что собирается делать, ею руководила растерянность, а она плохой советчик.

Нет-нет, напомнила Марина себе. Все кончено, все решено, ее смешные попытки остаться в мире живых лучше пресечь на корню. Марина откинулась на спину. Усталое оцепенение исчезло, на смену ему пришли тревога, беспокойство, так что живот свело, скрутило, и Марина на секунду скорчилась.

Ее относило все дальше. Берег затягивало влажным туманом. Еще несколько минут, и на набережной начнут вспыхивать огоньки. Марина почувствовала студенистую дрожь. Ей захотелось избавиться от этой воды вокруг нее, захотелось почувствовать под ногами твердую землю, идти, ощу-

щая свое тело, твердость асфальта, сыпучесть песка, а не эту упругую гладкость соленой невесомости. Ей захотелось вернуться туда, в мир живых, где пахнет едой с макашниц[1], которые вот-вот уже приедут на главные улочки, где загорелая дородная аргентинка обмахивается расписным веером, а китаянка придерживает шляпу с огромными полями. И может быть, в кафе с клубнично-розовыми стенами Марина украдкой еще взглянет на того скандинавского мужчину, что всегда сидит за крайним столиком… Здесь ли он еще, не уехал ли куда?.. Ей захотелось прожить сегодняшний вечер. Только сегодняшний.

Она резко заработала руками, стараясь превозмочь усталость. Плечи отяжелели, руки слушались с трудом. Несколько рывков на пределе сил – и Марина поняла, что никуда не движется. Ей не совладать с течением. Она почувствовала, что задыхается, накатил душный бестолковый страх. Господи, что же делать?.. Только не сейчас. Ей казалось, что ноги тянут ее на дно, и она впервые задумалась: а сколько же тут до дна? Десять метров? Больше? Она и понятия не имела, даже приблизительно, но поняла, что вся эта огромная масса воды тащит ее на своем теле, как кит прицепившегося к спине моллюска. Что делать? Что делать? Вдоль берега. Что – вдоль берега?

---

[1] Макашницы – передвижные уличные тележки-жаровни, на которых в Юго-Восточной Азии готовят разнообразную еду и тут же продают. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

Плыть вдоль берега, вспомнила она наконец. Выбраться из рипа можно, не сопротивляясь ему, а направляясь параллельно берегу и перпендикулярно направлению течения. С трудом понимая смысл, Марина все же поплыла. Она гребла руками и ногами, суставы ныли, почти скрипели, будто она стала ржавой шарнирной куклой, ребра резали легкие. Она закашлялась и нахлебалась воды, безрассудно замолотила ладонями по воде, нырнула, всплыла, хватая ртом воздух. Марина боялась взглянуть на берег. Если он еще дальше… Тогда ей уже не выбраться.

Ее отнесло на камни, и, вылезая, Марина изранила ногу и сильно ушибла бок. Пальцы, не подчиняясь больше ничему, кроме инстинкта, так сильно схватились за каменную поверхность, покрытую слизью и коричневым водорослевым налетом, что несколько ногтей ободрались до мяса. Потекла кровь, защипало, и это немного отрезвило Марину. Она распласталась по бурому камню, чувствуя его горячую скользкую твердость щекой, ладонями, грудью, животом. Горячий. Устойчивый. Он не качается на волнах. Какая радость.

Однако у нее не было сил радоваться. У нее вообще не осталось сил. Марина хотела приподняться на локте и оглядеться, но вместо этого закрыла глаза. Через мгновение она уже спала.

Проснувшись в темноте, Марина испугалась и подскочила, тут же поскользнулась и чуть не улетела вниз тормашка-

ми в воду. Схватившись рукой за камень, она почувствовала резкую боль в пальцах, и в голове окончательно прояснилось. Она вспомнила и свой заплыв, и неудавшееся утопление, и рип, и сорванные ногти. Оставалось только догадываться, насколько плачевно она выглядит и как долго провела в отключке: на здешних широтах ночь обрушивается стремительно и сразу после заката все заволакивает тьмой. Это так не похоже на долгие летние вечера средней полосы, когда сиреневые сумерки стоят по нескольку часов, постепенно густея, как черничный кисель.

С грехом пополам Марина доковыляла до песчаного берега, то прыгая по огромным валунам, очертания и размеры которых только предполагала, то забираясь на них почти ползком. На песке она немного передохнула, потом зашла по щиколотки в воду и стала тереть себя ладонями. Наверняка все ее тело покрыто пятнами слизи, которая наросла на валуны, полдня стоящие под водой во время прилива. Соль прожигала пораненную кожу, и Марина, ощутив разом, в скольких местах ей больно, пришла к выводу, что ее изрядно потрепало. И все же… Все же от этой боли ее охватило удовольствие. Она впервые за долгое время почувствовала хоть что-то, с этими вот саднящими коленями и кончиками пальцев, в которых жгуче пульсировал огонь.

Она медленно прошлась по опустевшему пляжу, лишь изредка встречая людей. Без света фонарей их лиц было не разобрать, одно только присутствие и бесплотность теней.

Она так и не смогла найти свои вещи, в такой темноте ничего не стоит пройти в двух шагах и не заметить. А может, за это время для них нашелся другой хозяин.

Марина лихорадочно соображала. Идти по городу в одном купальнике неприлично. Кажется, у дорогого отеля, что стоит у левой оконечности пляжа, несколько бунгало выходят прямо к берегу. Что, если попросить у тамошних постояльцев помощи? Она быстро зашагала по песку. Под ее пятками он похрустывал, словно только что выпавший снег. Знаменитый поющий песок. Марина пнула его посильнее и услышала знакомое «пиуу», похожее на негромкое повизгивание или звон задетой струны. Она засмеялась, чувствуя себя немного пьяной.

Окна ближнего бунгало были темны. Пройдя через калитку, Марина уже хотела разыскивать главный корпус отеля, но тут заприметила рядом с мощеной дорожкой натянутую между пальмами веревку, на которой сушилась пара полотенец и чья-то пляжная туника. Недолго думая, Марина продралась через цветущую бугенвиллею, перегнулась через низенький заборчик и стянула тунику с веревки. Судя по всему, обитатели бунгало не скоро обнаружат пропажу, и, возможно, Марина даже успеет вернуть ее на место. Ей бы только добраться до дома.

Пляжная туника принадлежала Кристине Миттельбаум из Люнебурга, но на бельевой веревке во дворике бунгало

оказалась совершенно случайно. Ведь ее хозяйка, сорокалетняя разведенная юристка, приехавшая на курорт с сыном-подростком, занимала номер в отеле «Сентара», а вовсе не здесь. Однако днем раньше, перебрасываясь фрисби со своим сыном, она случайно налетела на проходящую мимо пару. Помогая фрау подняться, рассыпаясь в извинениях с одной стороны и в любезностях – с другой, все четверо разговорились.

Все они владели немецким, что облегчило общение и даже вызвало глубинное взаимопонимание, возникающее лишь между согражданами вдалеке от дома. Сербы Златовичи – стоматолог Милош и его жена Сенка – познакомились в Берлине, где кареглазая фигуристая Сенка слушала лекции по биологии в Гумбольтовском университете, а Милош пломбировал кариес и лечил каналы в небольшой чистенькой клинике в Трептове. Он, сын эмигрантов, вырос в Германии, тогда как Сенка, дочь высокопоставленного сербского чиновника, только-только в то время начинала обживаться на новом месте. На свадьбе в Белграде гости твердили наперебой, что более красивых и влюбленных молодоженов еще не видали, а два прежних воздыхателя Сенки подрались на заднем дворе ресторана, не имея возможности «начистить рыло» счастливчику Милошу.

Обо всем этом супруги поведали фрау Миттельбаум и ее сыну Курту за ужином, поглощая бургеры и жареную картошку, по которым и те, и другие уже успели соскучиться

за недолгий отпуск. О чем они умолчали, так это о кипучей ревности Сенки.

Кроме балканского темперамента она располагала и другими, вполне реальными причинами ревновать: Милош был на редкость хорош собой. Большую часть его постоянных пациентов составляли женщины. Это они, лежа в стоматологическом кресле, затаив дыхание следили за его ласковыми глазами над медицинской повязкой.

– Какие у вас длинные ресницы, доктор.

– Это не так удобно, как вам кажется. Цепляются за стекла очков, – ответ был уже заготовлен. Но отбоя от воздыхательниц все равно не было. Пара особо настойчивых раздобыли его телефон и названивали домой, чем доводили Сенку до истерик. Милош мог сколько угодно отпираться и взывать к здравому смыслу жены, однако святым он отнюдь не был, и пару раз, пока Сенка гостила у родителей, умудрился оказаться в постели с собственной ассистенткой. В тот раз все сошло ему с рук, ассистентка вскоре перешла в другую клинику, а Сенка так ни о чем и не узнала.

Кристине Миттельбаум он приглянулся сразу же. Эти медлительные сливовые глаза, волнующая дорожка волос, спускающаяся от пупка вниз, под резинку синих купальных шорт, гортанный смех и легкий бархатистый обертон, слишком незначительный, чтобы быть акцентом, но все же заметный уху коренной немки. Все настраивало ее на опасный лад. Виновато было и море, и солнце, и коктейли, после которых

все приобретало игриво-радужный окрас, и сам Милош. Он не дал понять, что категорически против продолжения. Когда пару раз Кристина и Милош встретились глазами, отпивая из бокалов терпкую жидкость, каждый из них со сладким удовольствием прочитал во взгляде другого согласие и почти преступный сговор.

Бдительность Сенки была усыплена, вероятно, наличием у фрау Миттельбаум сына Курта, которого, кстати, вот уже второй день занимала сама Сенка. В свои пятнадцать он впервые получил возможность так долго, близко и безнаказанно разглядывать женское тело, в купальнике или в легком платьице, смуглое, с высокой грудью и дерзко торчащими под мокрой синтетикой купального костюма сосками, крепкими округлыми коленками и подтянутыми ягодицами. К вечеру этого дня он мог уже с закрытыми глазами описать по памяти всю Сенку, и переплетение ее кос, и родимое пятнышко у правой ключицы, и темный пушок над верхней губой, где иногда выступали крохотные микроскопические капельки, от чего у Курта голова шла кругом.

На закате Златовичи и Миттельбаумы перекусили в кафе через дорогу от пляжа и распрощались. Милош проводил Сенку до четырехэтажного сияющего спа-салона у дорожного кольца, Кристина с Куртом отправились в отель. Но в дверях номера фрау Миттельбаум сообщила сыну, что надумала отправиться на массаж:

– Я максимум на полчаса.

Через семь минут Милош прижимал Кристину к прохладной стене бунгало, стремясь едва ли не съесть заживо. Еще через минуту они ввалились в темную комнату. Света так и не зажгли.

После первой ожесточенной схватки Кристина, впервые за долгое время чувствуя приятную ломоту во всем теле, зашла в ванную. Там, при свете, она заметила, что тунику, в которой она пришла и снять которую так и не успела, теперь нужно застирать.

Прополоскав тонкую ткань, она голышом проследовала мимо лежащего на кровати Милоша и во дворе перекинула ее через веревку.

– У нас есть еще несколько минут. Как раз моя туника подсохнет…

– О, Кристина… Неужели ты намекаешь… – промурлыкал Милош, увлекая ее обратно на простыни. Она ответила приглушенным бесстыдным смехом.

Но когда через несколько минут пришла пора приводить себя в порядок, туники на прежнем месте не оказалось.

– Да не могли же ее украсть! – кипятилась фрау Миттельбаум вполголоса. – Кому нужна одежда, тут же жарко!

– Может быть, ветром сдуло? – Милош начинал нервничать: Сенка должна была воротиться вот-вот, а ведь еще поправлять постель и душ принимать. У жены нос, как у хорошо натасканной ищейки.

– Какой еще ветер? Нет никакого ветра!

– И тем не менее! – Мужчина потерял выдержку. Теперь, когда желание было сполна удовлетворено, это белесая и довольно невзрачная женщина стала вызывать у него раздражение. Он выудил из стопки полотенец одно, самое большое, и кинул его Кристине:

– На вот, обернись.

Поймав полотенце на лету, фрау Миттельбаум замерла. Смысл сказанного дошел не сразу.

– Что? Ты предлагаешь мне идти по городу? В этом?! – прошипела она. – Совсем рехнулся?!

– Тут всего две улицы! А что еще? У тебя есть другие идеи? Сенка сейчас вернется.

– Да плевать мне на твою Сенку! Меня тут обокрали!

Они бы еще долго препирались, если бы Милош не услышал пиликанье телефона жены метрах в тридцати от бунгало. Он сотню раз просил ее сделать мелодию потише и теперь возблагодарил небеса за ее упрямство. Сенка уже шла по дорожке, когда ответила на звонок, и до Милоша с Кристиной донесся ее веселый голос. Судя по всему, она решила поговорить на улице, дав любовникам спасительную фору. Не медля ни секунды, Милош вытолкал Кристину Миттельбаум во дворик, а сам закрыл стеклянную дверь и принялся наводить спешный порядок. Он как раз успел застелить постель и побрызгать в ванной и в комнате освежителем для воздуха, когда Сенка отперла входную дверь.

– Это я. Мама звонила, передавала тебе привет.

– Да? – отозвался Милош как ни в чем не бывало. – Как у них дела?

– Все хорошо. Горан выиграл свой конкурс, представляешь?

– Ну и ну! Это здорово. Я в душ, не возражаешь? Что-то душно.

– Конечно, душно, глупенький. И без кондиционера, и дверь во двор закрыл зачем-то. Воров боишься?

Когда Сенка распахнула дверь во внутренний дворик, Милош замер. Но напрасно.

В это время Кристина Миттельбаум, хозяйка исчезнувшей туники, уже гордо шествовала по пешеходной «зебре», единственной в этой части города, обернутая в белое банное полотенце. Ничего хорошего про мужчин в общем и уроженцев Балканского полуострова в частности она сейчас сказать не смогла бы при всем желании.

На освещенной набережной было довольно много народу, из проносящихся мимо тук-туков[2], больше похожих на бумбоксы с неоновым эквалайзером на колесах, гремела нехитрая музыка, недостаток мелодичности компенсируя оглушительной громкостью. Марина смотрела на все с жадностью и узнаванием, будто долго отсутствовала и вот наконец вернулась. Все ее изумляло: и спящая у водостока собака, и высокие каблуки работницы спа-салона на углу, и традиционный домик для духов, стоящий возле входа в отель «Golden

[2] Тук-тук – вид тайского такси.

Sand», как раз между двумя каменными драконами с потемневшими от времени лапами. Этим вечером все здесь было очень резким и ярким, но при этом каким-то ирреальным, будто в запредельно красочном сне или галлюцинации. Вывески искрились разноцветными огоньками, у лотка сувениров пахло мылом, на открытой витрине рыбного ресторана таял серый лед, на котором влажно поблескивали рыбьи бока и плавники, тусклые глаза, фиолетовые щупальца, изумрудные раковины мидий и бледные клешни огромных голубых крабов. Глазами Марина различала крошечные подробности окружающей ее действительности, ушами улавливала звуки разных частот и громкостей и все равно не могла отделаться от ощущения, что все происходит во сне. У нее мелькнула шальная мысль: а что, если она умерла, захлебнулась там, в море, и этот мир тайской оживленной улочки – лишь мираж, бред ее угасающего от гипоксии мозга? Всерьез размышляя об этом, она свернула в темный проулок, поднялась по внешней каменной лестнице на второй этаж и остановилась возле своей двери. Только тут она поняла, что у нее нет ключа. Конечно, он остался в кармане шорт, аккуратно сложенных пополам… там, на пляже, пару часов назад.

Растерянно потоптавшись на балкончике, она спустилась вниз, во внутренний дворик, и отправилась на поиски госпожи Рунг.

Двери прачечной были настежь открыты, но самой хозяйки там не оказалось, только ее дочь Санни мурлыкала

под нос песенку, наглаживая очередной пододеяльник. Как и всегда при виде Марины, на лице у Санни образовалась улыбка до ушей. Вкупе с бело-желтыми пятнами танаки[3], намазанной на лоб, нос и щеки, она выглядела как самый жизнерадостный в мире мим. Девушка отставила утюг, сложила ладошки в «вай» и склонила голову, нежно мяукнув приветствие.

– Здравствуй, Санни, а где кхун Рунг?

Девушка выпорхнула из душной прачечной, Марина вышла следом и тут же увидела спешащую ей навстречу госпожу Рунг. Дородная, коренастая, она проворно передвигалась на ногах, вид которых сразу наводил на мысль о колесе. Хозяйка на ходу вытерла руки полотенцем, сунула его дочери и, ласково улыбаясь, защебетала что-то, ничуть не смущаясь тем, что Марина не понимает по-тайски.

– Кхун Рунг, я потеряла свой ключ. Ключ от комнаты. Простите, пожалуйста. Я упала на камнях и выронила… – удалось пробормотать Марине. Санни, нахмурив лоб, подумала с секунду и, радостно просияв, перевела матери с английского. Госпожа Рунг всплеснула руками, стала осматривать Марину с ног до головы, спрашивая, не сильно ли она ранена, и уверяя, что ключ – это ничего, не страшно, сейчас она откроет своим.

---

[3] Танака – косметическая паста растительного происхождения, которую используют бирманцы как охлаждающее, солнцезащитное, успокаивающее и лечебное средство.

С госпожой Рунг, а точнее, с ее сыном Чоном Марина познакомилась в первую свою ночь на острове при весьма волнительных обстоятельствах.

Тогда она проснулась в гостиничном номере около трех часов ночи и никак не могла снова уснуть. Из-за долгого перелета и смены часовых поясов в голове образовалась сумятица и мысли путались, не додумываясь до конца. Ступням было жарко, и ей никак не удавалось высунуть ноги из-под одеяла – по привычке тайских отелей оно оказалось заправлено под матрас, образуя конверт. Понимая, что в ближайшее время она уже не уснет, Марина вылезла из постели, натянула сарафан и отправилась гулять. Ночной портье за стойкой встрепенулся и, проводив ее приветливым взглядом до дверей, снова впал в анабиотическое состояние с широко открытыми, но стеклянными от недосыпа глазами.

На улице оказалось пустынно и душно, даже ночь не принесла прохлады. Голубоватым светом мерцал маленький сетевой супермаркет. Мимо промчался тук-тук, уже без музыки, но еще со своей елочной иллюминацией. Марина перешла на другую сторону и побрела мимо вереницы тесно припаркованных у обочины мотобайков в сторону моря.

Сзади приближался звук работающего двигателя. Скутер. Марина покосилась через плечо. Только сейчас ей пришло в голову, что ночная прогулка по незнакомому городу небезопасна.

Скутер притормозил, поравнявшись с ней. Хмурого вида

таец сделал характерный жест, будто втягивает в себя дым:

– Смоук?

Марина покачала головой. Таец сощурился, поддал газу и укатил.

У спуска с набережной она скинула босоножки и с удовольствием прошлась босиком до кромки воды. Установился почти штиль, волны лениво набегали и откатывались одна за другой. За холмами только всходила луна. Так поздно, надо же, удивилась Марина. Она сделала еще шаг, споткнулась обо что-то большое вроде мешка и, пискнув от неожиданности, полетела вперед, едва успевая выставить руки. Чертыхнувшись, побарахталась в мокром песке, стараясь выпутаться из длинного подола сарафана, встала на колени и только потом снова оказалась на ногах. Она уже собиралась нащупать в сумочке телефон, чтобы посветить им и рассмотреть, обо что споткнулась, когда мешок у ее ног сдавленно застонал. Марина не на шутку перепугалась.

– Эй, вы в порядке? Что с вами? Что случилось? – спрашивала она по-английски, дрожащими пальцами отыскивая телефон. Наконец подсветка озарила лицо молодого паренька. Его веки подрагивали. Марина легонько встряхнула его за плечи и, не задумываясь, провела рукой по затылку. Ладонь окрасилась кровью.

Марина в ужасе отшатнулась, ее взгляд метнулся к пешеходной набережной, фонарям – если и искать помощь, то только там.

– Я вернусь. Слышите меня? Лежите здесь. Оставайтесь здесь, я скоро вернусь, – пообещала она. Оставалось надеяться, что паренек понял хоть что-то.

Марина помчалась что есть сил. Номера телефона местной «Скорой» она не знала, полиции тоже. Аптека через дорогу оказалась закрыта, и на всей набережной не было ни души. Автоматические двери «Севен-элевен»[4] сработали, когда она пробегала мимо, и со звоном раздвинулись. На Марину пахнуло холодом.

– Мне нужна помощь! Помощь! – кинулась она к кассе.

Сонный продавец затряс головой, недовольно хмурясь. Марина обрисовала ситуацию. Но то ли продавец совершенно не знал английского, то ли знания эти действовали исключительно с семи утра до одиннадцати вечера – ей не удалось добиться от него ничего путного. Когда она схватила его за руку и в отчаянии попыталась вытащить наружу, продавец замахал на нее руками и заголосил так, что Марина растерялась и отступила.

Не зная, что еще предпринять (это уже потом, наутро, ей показалось странным, что она не догадалась добежать до ресепшена любого из отелей), Марина вернулась к раненому тайцу. Он уже пришел в себя и силился встать. Поддерживаемому Мариной, ему это удалось.

– Куда вас довести?

– Домой, – пробормотал он и ткнул пальцем в нужном

[4] «7-Eleven» – сетевые супермаркеты.

направлении.

Несмотря на худосочность, он оказался довольно тяжелым, хотя и покорно перебирал ногами. Им понадобилось немало времени, чтобы доковылять до перекрестка и свернуть в проулок. При свете фонарей стало видно темное пятно под черными волосами на затылке, испачканную одежду и кровоподтеки на запястьях, будто кто-то изо всех сил удерживал его руки.

Указав нужную дверь, молодой таец сполз прямо на мостовую и снова отключился. Марина кулаком заколотила в дверь, потом подбежала к окнам и стала стучать в каждое из них. Кажется, тут располагалась прачечная.

На стук выглянула заспанная женщина, полная, крепенькая, в длинной застиранной футболке. Она крикливо оборвала Маринин стук и уже собиралась выдать тираду, как вдруг заметила тайца у стены. В мгновение ока она оказалась на улице, зовя кого-то из глубины дома и тормоша раненого. Она спрашивала что-то у Марины, но та только беспомощно твердила, что подобрала его на пляже.

Дальше была поездка в больницу и изнурительное объяснение с полицейским, вызванным госпожой Рунг. Когда он все же точно уяснил, что не Марина стала причиной столь плачевного состояния раненого тайца, полицейский обрадовался как ребенок. У него уже в печенках сидели фаранги[5] всех сортов и мастей, которые творили на острове непотреб-

[5] Фарангами в Королевстве Таиланд называют иностранцев.

ства, вечно влипали в разные дурно пахнущие истории и при этом ни слова не могли выдавить на человеческом языке. Цокая и огорченно качая головой, он побеседовал с госпожой Рунг и тут же расплылся в дружелюбной улыбке, снова подходя к Марине.

– Свобода. Вы свобода, – возвестил он и уехал, чрезвычайно довольный тем, как все обернулось. А Марина решила остаться. У приветливой медсестры она выяснила, как чувствует себя молодой человек. Оказалось, что у него сотрясение мозга и трещина в ребре, но завтра его уже выпишут домой.

Чон был в сознании. Когда Марина заглянула в палату, его мать и сестра, сидевшие у кровати, встрепенулись. Санни что-то горячо говорила, госпожа Рунг, сложив руки, кланялась, почти касаясь ладонями носа. Чон слабо улыбнулся:

– Спасибо. Вы спасли меня. Мама говорит, что будет благодарить духов всю жизнь. Они послали вас.

– Я рада, что с вами все в порядке. Поправляйтесь.

– Спасибо.

Через два дня Санни и госпожа Рунг разыскали Марину в отеле и приволокли огромную корзину фруктов. Терпкий запах переспелого тайского манго затопил номер. Женщина требовала у дочери, чтобы та переводила. Санни отчаянно краснела:

– Вы. Жить в нашем месте. Комната. Комната в аренду. Но вам бесплатно. Комната бесплатно.

– Нет-нет, что вы! – отнекивалась Марина, чрезвычайно тронутая их горячей благодарностью. Даже беглого взгляда на их жилище ей хватило, чтобы понять: живут они небогато. – Я остановилась здесь, в отеле…

– Отель дорого. Комната бесплатно.

Да, с таким утверждением трудно поспорить. В итоге они сошлись на том, что Марина будет платить триста бат в сутки – плата чисто символическая, но согласиться на совсем бесплатное проживание ей не позволяла совесть, а на большую сумму, видимо, не соглашалась совесть госпожи Рунг. На следующее утро Марина расплатилась с отелем и перебралась в комнатку над прачечной.

Несколько дней спустя Марина заметила на заднем дворе Чона. Он сидел на хлипком стуле, поджав под себя ногу, и держал тарелку с едой. Свободной рукой он брал с тарелки немного клейкого риса, ловко скатывал в комочек, окунал в рыбный соус и отправлял в рот. Марина поздоровалась.

– Добрый вечер. – Чон отставил тарелку и вытер пальцы. – У нас не было возможности пообщаться после того случая… Спасибо вам еще раз.

Марина заверила, что его семья и так слишком любезна с нею.

– Нет ничего хуже неблагодарности. И при этом невозможно быть благодарным сверх меры, – улыбнулся Чон.

Марина спросила разрешения и примостилась рядом, прямо на бетонной ступеньке. Железное правило «не сидеть

на холодном камне», вдолбленное мамой еще в детстве, не действовало просто в силу того, что холодных камней здесь не встречалось в природе.

Чон отлично говорил по-английски. Это оттого, пояснил он, что с детства обожает американское кино. Голливуд? Нет, почему, не только. Джармуш, братья Коэны, Том ДиЧилло. Не слышала о таких? Да, это кино не для всех. Впрочем, блокбастеры тоже хороши, под настроение. Если смотреть по одному американскому фильму в день, то можно легко выучить их язык, он довольно прост. Русский сложнее.

– Как ты себя чувствуешь?

Чон осторожно потрогал голову:

– Хорошо. Завтра пойду на работу.

– Уже? Разве тебе не надо лежать в постели? Кем ты работаешь?

– Сдаю в аренду зонтики на пляже. Это не тяжелый труд, так что все будет о'кей.

– Не расскажешь, что тогда случилось?

Молодой человек помолчал, потом недовольно цокнул языком. Марина поняла, что вспоминать ему неприятно, и извинилась за бестактность. Она знала, что для тайцев важно сохранять лицо, а что может быть неприятнее для мужчины, чем беспомощность…

– Нет, все в порядке. Тем более ты должна знать, в чем именно мне помогла. Это все проклятый Мики.

– Кто?

– Мики. Он с дружками часто шныряет по пляжу и набережной. Пару раз его ловили за то, что украл бумажник у туриста. Теперь он хотя бы поумнел, подъезжает на байке и выхватывает сумки прямо на ходу. Я сам видел.

– Какой ужас. А что же полиция?

– У него дядя работает в местном отделении. Так что…

В этот момент из прачечной во дворик вышла девушка. Невысокая, как все тайки, с открытой дружелюбной улыбкой и очень красивая. Форменная бордовая блузка и черные брюки сидели на ней безукоризненно. На груди белел бейджик с именем, но Марина не смогла его разобрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.